

Преподобный Иоанн Дамаскин об исламе

Преподобный Иоанн Дамаскин известен также под арабским именем Юханна бен Мансур. Его семья и сам он были глубоко укоренены в арабской культуре. Только в греческих кругах он был известен под христианским именем и церковным титулом «пресвитер и монах». Семья Мансуров была весьма влиятельна в Сирии; дед преподобного Иоанна подписывал капитуляцию Дамаска мусульманскому полководцу Халиду бен Валиду в 635 году.

Преподобный Иоанн родился и вырос в Дамаске. Он жил между 652 и 749 годами. Большинство ученых помещают дату его рождения около 675 года. Житие, написанное анонимным автором, утверждает, что он был знаком с «книгами сарацин». Его отец с разрешения халифа Муавии (661–680) освободил пленного сицилийского монаха Косму и сделал его учителем своего сына. Косма учил Иоанна греческому, философии, риторике, физике, арифметике, геометрии, музыке, астрономии и богословию. В молодости Иоанн дружил с арабским христианским поэтом Ахталом. Вместе они стали приближенными халифа Язида I (680–683).

Он наследовал пост своего отца, а перед тем – деда, пост, на котором управлял целой Сирией и богатой провинцией ливанской Финикии. Этот пост предполагал ответственность и за дела войны. Поздним византийским писателям пост Иоанна Дамаскина казался очень значительным. Они называют его «великий логофет», «главный советник» и «министр». Арабское житие, переведенное Иоанном Иерусалимским, называет отца Иоанна Дамаскина «ведующим делами всей страны», хотя анонимное житие говорит о его отце как о правителе Дамаска, которого простые люди называли «эмиром».

Его служба в должности управляющего финансами прервалась с воцарением абд ал-Малика (685–705) и Валида I (705–715). Из-за интриг и несправедливых гонений в 724 году святой оставляет Дамаск ради лавры святого Саввы в иудейской пустыне. Именно в монашеский период были написаны большинство, если не все труды Иоанна Дамаскина. Писал он именно на греческом и лишь позднее его основные труды были переведены на арабский Антонием, настоятелем монастыря святого Симеона в Антиохии, и архиепископом Дамаска Абдаллахом бен Ал-Фадлом. Дата смерти святого приблизительно определяется как 749 год.

Одна из частей знаменитой трилогии преподобного Иоанна Дамаскина, озаглавленной «Источник знания», посвящена перечислению и описанию различных религиозных заблуждений и носит название «О ересях». По преимуществу это компиляция из трудов предыдущих ересиологов[1], однако в 100-й главе (в ранних изданиях – в 101-й) преподобный Иоанн описывает «религию измаильтян», и эта глава является целиком оригинальным произведением. Глава об исламе гораздо более пространна по сравнению с главами, посвященными другим ересям. Скорее всего это связано с тем, что другие ереси были известны, ислам же, как недавно возникшая религия, должен был более подробно разъясняться читателю.

Преподобному Иоанну Дамаскину приписываются также еще некоторые сочинения, касающиеся ислама:

- «Разговор сарацина с христианином»;
- «Мученичество святого Петра Капитолийского»[2];
- два фрагмента из несохранившегося сочинения.

Фрагменты как неподлинные определил Дивуниотис[3], а также Хури[4]; относительно аутентичности «Мученичества святого Петра» выразил сомнение издатель греческого текста памятника Питерс[5]. Преподобный Феофан[6] в своей «Хронографии» под 734 годом ссылается на написанное преподобным Иоанном Дамаскиным «Слово на святого мученика Петра Маюмского», из которого приводит сокращенно историю самого мученичества. Ле Коз полагает, что для устранения неясности необходимо различать двух мучеников с именем Петр. Один был епископом Маюмы неподалеку от Газы и пострадал от Валида II (743–744), другой – епископ местечка возле города Хомс, который пострадал от Валида I (705–715). Несохранившееся сочинение преподобного Иоанна повествует о первом, а дошедшее до нас «Мученичество святого Петра Капитолийского» – о втором[7].

«Разговор...» совершенно точно не принадлежит преподобному Иоанну, но представляет переработку черновых записей Феодора Абу Курры, выполненную неким Сисинием Грамматиком.

В неправомерности атрибуции «Разговора...» преподобному Иоанну Дамаскину убеждены Дивуниотис[8], Гютербок[9], Айхнер[10], Вурхис[11], Хури[12] и Аргириу[13]. Из современных исследователей лишь Сахас считает его аутентичным произведением Дамаскина; Ле Коз включил «Разговор...» в свою книгу, оставив, впрочем, вопрос о подлинности открытым[14].

Абель пытался усомниться в подлинности 100-й главы сочинения «О ересях» и доказать, что она написана не преподобным Иоанном. Он считал, что это поздний текст, составленный неизвестным автором в конце X века под влиянием анонимного сочинения «Против Мухаммеда», «Догматического всеоружия» Евфимия Зигабена и «Сокровища Православия» Никиты Хониата[15]. Однако исследователями творчества преподобного Иоанна аргументация Абеля была признана бесосновательной и не выдерживающей критики[16]. Утверждение Абеля опровергается не только несостоятельностью его аргументов, но и тем фактом, что ранние рукописи 100-й главы относятся к IX веку – более раннему времени, чем предложенная Абелем датировка. Современные исследователи анти-мусульманского наследия преподобного Иоанна Дамаскина, такие, как Сахас[17], Хури и Ле Коз[18], с полной уверенностью говорят об аутентичности этого произведения.

Имя преподобного Иоанна Дамаскина обычно возглавляет всякий список христианских анти-мусульманских полемистов, хотя еще до него на греческом о религии арабов писал преподобный Анастасий Синаит, на сирийском были записаны диалоги с мусульманскими чиновниками монофизитского патриарха Антиохийского Иоанна I († 648) и монаха-несторианина Авраама из Бет-Хале (ок. 670). Писал об исламе и яковитский епископ Афанасий Баладский († 687). На арабском языке анонимным автором около 700 года была составлена апология христианства[19]. Таким образом, в строгом смысле слова, преподобный Иоанн Дамаскин не был, как нередко считают, «первопроходцем» христиано-мусульманского диалога; написанная им глава влилась в уже существующую традицию, но можно согласиться с Хури в том, что «он относился к первой фазе традиции, которая должна была произвести в течение последующих столетий большое количество апологетических и полемических сочинений»[20], большинство из которых испытали на себе влияние его труда. Так что можно даже сказать, что преподобный Иоанн определил то русло, по которому анти-мусульманская полемика протекала в последующие века.

Распространенное заблуждение, будто бы преподобный Иоанн считал ислам «христианской ересью»[21], лишено всякого основания. «Ересью» (αἵρεσις) ислам называли практически все византийские полемисты – от преподобного Феофана Исповедника и Георгия Амартола до Евфимия Зигабена и святителя Симеона Фессалоникийского. Одновременно с этим они называли ислам и словами «религия» (θρησκεία), «вера» (πίστις), «почитание» (σέβας), не проводя между ними строгого разграничения.

Преподобный Иоанн, как и прочие святые отцы, называл ислам ересью в средневековом смысле этого слова – как религиозное заблуждение, подразумевая под этим любое отличное от Православия вероисповедание. Как верно замечает Сахас, в том же сочинении преподобный описывает как «ереси» иудаизм и разновидности язычества[22]. Разумеется, ни преподобный Иоанн Дамаскин, ни другие отцы вовсе не обязаны были придавать этому слову то узкое значение, которое появилось у него XVII–XVIII веках.

В относительно небольшом тексте, который представляет собой 100-я глава книги «О ересях», преподобному Иоанну удалось описать:

- доисламскую религию арабов;
- время и место возникновения ислама, обстоятельства и историю;
- вероучение Ислама;
- ритуальную практику, обряды ислама;
- религиозные нормы и запреты ислама;
- основные претензии мусульман к христианству;
- ответы на них (апология христианства);
- наконец, преподобный Иоанн дал пример и очертил основные пункты христианской полемики против ислама, притом настолько добросовестно, что указал даже варианты реакции мусульман на христианские реплики.

При этом преподобный Иоанн почти все это излагает достаточно полно и исчерпывающе. Эти сведения не были известны в Византии, так что многие последующие поколения византийцев

узнавали об исламе именно из этой главы; и даже тогда, когда появилось большое количество полемических сочинений, к труду преподобного Иоанна продолжали обращаться.

Поэтому никак нельзя согласиться с мнением о. Иоанна Мейендорфа о том, что «его (т.е. преподобного Иоанна Дамаскина. – Ю.М.) вклад в историю византийской полемики с исламом незначителен»[23].

Преподобный Иоанн трижды в разных местах называет положения ислама «достойными смеха», «смехотворными». Значительную часть его полемики составляют шутки и остроты в адрес религии Мухаммеда, безусловно, рассчитанные на то, чтобы вызвать у читателя улыбку.

Это позволило владыке Анастасию сделать вывод, что «святой Иоанн Дамаскин недооценивал новую религию, рассматривая ее как нечто несерьезное. Только в качестве примера Дамаскин перевел некоторые положения исламского учения, которые охарактеризовал как “смехотворные”»[24].

Однако это не совсем так. Шутливый тон не мешает ему вполне обстоятельно излагать выводы своих многолетних наблюдений и размышлений над религией сарацин и собственный полемический опыт. И в выбранном тоне видится принципиальная позиция и отношение к религии арабов, а не ее недооценка.

Просматривая текст 100-й главы, нельзя сказать, чтобы преподобный Иоанн Дамаскин недооценивал ислам. Он пишет об исламе как об «усиливающейся» религии, определяет ее как «предтечу антихриста», возможно, полагая, что она будет существовать до явления антихриста, то есть практически до конца мира, если только не понимать это выражение аллегорически.

Разбирая неточности, допускаемые преподобным Иоанном в отношении Корана, Мерилл склоняется к выводу, что он совсем был незнаком с текстом Корана непосредственно[25]. Но, на наш взгляд, факт наличия неточностей не дает достаточных оснований для того, чтобы согласиться с таким далеко идущим заключением.

Очевидно, ознакомился с исламом и Кораном преподобный Иоанн во время своей административной деятельности в Дамаске, а составлял рассматриваемую главу уже на склоне лет в монастыре святого Саввы, спустя многие годы, если не десятилетия после знакомства. Естественно, что человек, который будет записывать по памяти текст, прочитанный им 20–30 лет назад, неизбежно допустит какие-то неточности в изложении, однако эти неточности не могут служить основанием для утверждения, что он вовсе не был знаком с излагаемым по памяти текстом. Более того, учитывая это обстоятельство, а также то, что текст был на другом языке, можно сказать, что преподобный Иоанн допустил минимум неточностей, и они не носят в основном принципиального характера. К таким неточностям можно отнести, например, то, что преподобный Иоанн относит аяты из 2-й суры к 4-й суре, а также упоминает суру «Верблюды», которой нет в Коране, и сказание о нем. Коранические соответствия излагаемой преподобным Иоанном Дамаскиным истории рассыпаны по многим сурам: 91.13; 26.155–157; 54.27–28; 17.61; 11.64–68; 7:73. Также в мусульманском раю не три реки, а четыре – воды, вина, молока и меда (47.15–17), поэтому основанный на этом аргумент преподобного Иоанна бьет мимо цели. Впрочем, возможно, он понимает и устраняет это, когда шутит о том, что верблюдица выпила всю воду в раю.

Ле Коз справедливо указывает еще одну возможность объяснения несоответствия изложения Корана преподобным Иоанном Дамаскиным современному: «Несомненно к VIII веку текст Корана еще не был полностью установлен в его современной версии, так же, как и сборники хадисов не претерпели последующей работы по отсеву. В Дамаске популярен был Коран редакции Убайи бен Кааба, который имел значительные отличия от Османовской версии (современной), в частности включал не 114, в 116 сур; значимые расхождения имелись не только между стихами, но даже целыми сурами. Даже в X веке встречались еще копии этого Корана в Басре; тем более вероятно, что он имел хождения во времена преподобного Иоанна Дамаскина, чем и могут объясняться отличия в его коранических цитатах»[26].

Кроме того, некоторые отличия в изложении преподобным Иоанном вероучительных положений и норм ислама от мусульманской традиции являются не неточностями, но отражением ранних мусульманских толкований и народных легенд, которые не нашли места в дошедших до нас классических источниках ислама, поскольку они были записаны позже того времени, когда преподобный Иоанн закончил свой труд.

Сюда следует отнести наименование Афродиты, которой арабы поклонялись до ислама, как «Хабар», которое о. Иоанн Мейендорф приводит как пример неосведомленности преподобного

Иоанна Дамаскина в исламе, якобы происходящей из непонимания мусульманской молитвы *Allahu akbar* (Аллах велик).

Однако еще в XIX веке Саблуков писал, что слово «Хубар», употребляемое преподобным Иоанном в отношении Афродиты, под которой имеется в виду арабская богиня Аллат, – это искаженный отголосок языческой молитвы, адресованной к ней: *Allatu kubra* – формула, измененная впоследствии на мусульманский такбир[27].

Ложная этимология названия «сарацины» не принадлежит самому преподобному Иоанну, она встречается еще у блаженного Иеронима и Созомена.

Выбор коранических тем и отрывков, интересующих преподобного Иоанна, определяется его полемическими целями: доказать, что Коран содержит противоречивые сказания, что Мухаммед не имеет никаких оснований для своих пророческих притязаний[28]. Поэтому святой отец не прибегает к последовательному изложению Корана. Все подчинено исключительно полемической направленности. То же самое касается и материала из мусульманских преданий: преподобный Иоанн приводит в пример историю женитьбы Мухаммеда на жене своего приемного сына Зейда, дабы доказать, что его откровение имело основой изначально человеческое и чувственное[29].

Так как преподобный Иоанн – один из первых христианских авторов, описывающих ислам, то в своем описании он почти целиком зависит от мусульманской традиции. И хотя его сочинение представляет в связи с этим колоссальную научную ценность для истории ранних этапов этой традиции, он, к сожалению, не доносит никаких альтернативных преданий о Мухаммеде и возникновении ислама, которые еще могли циркулировать в ближневосточных христианских кругах в его время. Он часто цитирует Коран для примера и показывает знакомство с хадисами или преданиями, часто предлагает свою интерпретацию этих сведений, но никаких других источников, кроме устных рассказов мусульман, он не имеет.

Ценность полемического труда преподобного Иоанна в том, что он дает целостное осмысление ислама так, как он понимался самими арабами, и вводит его в круг византийской мысли. Темы, сформулированные им, и аргументы, которые он использовал, постоянно повторялись, начиная с VIII столетия и вплоть до наших дней[30]. Знакомы с его трудом были практически все византийские авторы, которые в большей или меньшей степени и зависели от него.

Довольно рано труды преподобного Иоанна были переведены на латынь, арабский и славянский языки, и в том числе рассматриваемая нами глава, которая таким образом оказала влияние на все средневековое христианское восприятие ислама в целом, а также, возможно, и на сам ислам[31].

Ввиду исключительной значимости сочинения для последующей византийской полемической традиции, мы приводим его перевод, не довольствуясь пересказом, как в других случаях.

Преподобный Иоанн Дамаскин

О ересях. Глава 100[32]

Есть же еще и донныне усиливающаяся, вводя народ в заблуждение, вера измаильтян, являющаяся предтечей антихриста. Происходит она от Измаила, рожденного Авраамом от Агари, поэтому [приверженцы ее] именуется агарянами и измаильтянами. Сарацинами же (*Σαρακηνούς*) их называют от «*Σάρρας κενούς*» из-за сказанного Агарью ангелу: «*Σάρρα κενήν με ἐχπέλευσεν*» («Сарра отпустила меня пустой»)[33].

Они служили идолам и поклонялись утренней звезде и Афродите, которую на своем языке называли Хабар, что значит «великая»[34].

И вот до времени Ираклия[35] сарацины явно служили идолам; от его же времени и до сих пор возник у них лжепророк, называемый Мухаммед (*Μάμεδ*), который случайно познакомился с Ветхим и Новым Заветом, сходным образом, говорят, общался с арианским монахом[36], [после чего] составил собственную ересь. Под предлогом обращения народа к кажущемуся богопочитанию он распускает слух, будто ниспослано ему с неба от Бога писание. Написав же в своей книге некоторые достойные смеха положения, он передал ее им для почитания.

[В книге этой] он говорит, что единый Бог есть творец всего, не рождал Он и не был рожден (Коран 112.3). Говорит, что Христос есть Слово Божие и Дух Его (Коран 4.171), творение и раб и что он без семени рожден от Марии (Коран 19.19–22), сестры Моисея и Аарона (Коран 19.28). Ибо,

говорит он, Слово Божие и Дух вошел в Марию и родила она Иисуса, пророка и раба Божиего; и что незаконные иудеи желали распять Его и схватив, распяли тень Его[37], сам же Христос, говорит он, не был распят и не умер (Коран 4.157). Ибо Бог взял Его к Себе на небо, потому что любил Его. И говорит [Мухаммед], что, когда Христос восшел на небо, спросил его Бог, говоря: Иисус, говорил ли Ты, что «Я есмь Сын Божий и Бог?» и ответил, говорит, Иисус: «Будь милостив ко Мне, Господи! Ты знаешь, что Я не говорил, и Я не стыжусь быть рабом Твоим. Но преступные люди написали, будто Я сказал это слово и солгали обо Мне, и они суть находящиеся в заблуждении». И ответил, говорит, Ему Бог: «Я знаю, что Ты не говорил слова этого» (Коран 72.116–117).

И многое другое достойное смеха измышляя в своей книге, [Мухаммед] кичится, что от Бога она ему ниспослана. Мы же говорим: «А кто свидетель, что писание дал ему Бог, или кто из пророков предсказал, что восстанет такой пророк?» И когда они приходят в растерянность, мы говорим, что Моисей получил Закон, когда Бог явился на горе Синае пред лицом всего народа в облаке и огне, мраке и дыме, и что все пророки, начиная от Моисея и далее, предсказывали о пришествии Христа и о том, что придет Христос Бог и Сын Божий воплотившийся и будет распят, умрет и воскреснет, и что Он будет Судией живых и мертвых.

И скажем им: «Почему же не так пришел ваш пророк, чтобы другие свидетельствовали о нем, и [почему] не в вашем присутствии Бог, как Моисею при дымящейся горе на виду всего народа, дал закон, дал и ему писание, как вы [о том] говорите, чтобы и вы имели уверенность [в нем]?» Они отвечают, что Бог делает то, что хочет.

Это и мы, скажем, знаем, но мы спрашиваем, каким образом писание низошло к вашему пророку? И они отвечают, что писание низошло на него свыше, в то время, когда он спал. И тогда мы скажем им такую шутку: «Поскольку, как вы говорите, сонным принял он писание и не почувствовал действия, то на нем исполнилось народная пословица...»[38].

Когда мы снова спрашиваем: «Почему же, когда он в вашем писании приказывает вам ничего не делать и не принимать без свидетелей[39], вы не спросили его: прежде сам подтверди чрез свидетелей, что ты пророк, что от Бога пришел и какие писания о тебе свидетельствуют?» – стыдись, они молчат.

Тогда мы законно им говорим: «Так как вам не позволено без свидетелей ни жениться, ни продавать, ни приобретать и так как и вы сами не принимаете без свидетелей ни осла, ни скота, получаете же и жен, и имущество, и ослов, и прочее при свидетелях, одну же только веру и писание – без свидетелей; ибо передавший вам это писание ни с какой стороны не подтвердил, и не только нет никого, кто свидетельствовал бы о нем, но даже [сам] он во сне получил писание».

Называют же они нас этериастами (ἑτεριστᾶς)[40] потому что, говорят, мы к Богу присоединяем другого, говоря, что Христос есть Сын Божий и Бог. Мы скажем им, что это передали пророки и писание: вы же, как вы решительно утверждаете, принимаете пророков. Итак, если мы плохо говорим, что Христос Сын Божий, то этому они нас научили и передали нам. И некоторые из них [на это] говорят, что мы приписываем это пророкам, аллегорически истолковывая их, другие же говорят, что евреи, ненавидя нас, ввели нас в заблуждение, как бы от имени пророков написав [это], чтобы мы погибли.

Снова же говорим мы к ним: если вы говорите, что Христос есть Слово Божие и Дух, то почему порицаете нас как этериастов, ведь слово и дух неотделимы от того, в ком они существуют? Итак, если в Боге существует Его слово, очевидно, что и оно есть Бог. Если же оно существует вне Бога, то Бог [тогда], по-вашему, есть бессловесный и бездушный. Таким образом, избегая того, чтобы придавать Богу другого, вы убили Его. Ибо лучше было бы вам сказать, что Он имеет другого, чем убить Его или представить [Его] как камень, или бревно, или что-нибудь иное из бесчувственных [предметов]. Таким образом, вы ложно называете нас этериастами, мы же справедливо называем вас богоубийцами.

Они порицают нас как идолослужителей, потому что мы поклоняемся кресту, к которому они испытывают отвращение[41]. А мы скажем им: «Почему же вы прикасаетесь к камню, который находится в Каабе вашей и целуете его, обнимая?». И некоторые из них говорят [в ответ на это], что на нем Авраам совокуплялся с Агарью[42]; другие же, что здесь он привязал верблюда, намереваясь принести в жертву Исаака[43]. И [тогда] мы им ответим: «Писание говорит, что гора была лесистая и [покрытая] деревьями, из которых, сделав вязанку, Авраам возложил ее на Исаака (см.: Быт. 22: 6), и что ослов он оставил со слугами (см.: Быт. 22: 5). Итак, откуда вы берете [свой] вздор? Ведь там ни лесистой чащи нет, ни ослы не проходят?». Они стыдятся, но тем не менее все-таки говорят, что это

– камень Авраама. И затем мы скажем им: «Пусть [этот камень], как вы болтаете, будет [камнем] Авраама; итак, обнимая его только потому, что на нем Авраам совокуплялся с женщиной, или потому, что к нему он верблюда привязал, вы не стыдитесь, однако нас осуждаете, что мы поклоняемся кресту Христа, через который сила демонов и блуждания дьявола были уничтожены?» То же, что они называют камнем, есть голова Афродиты, которой они поклонялись, называя ее Хабар. На этом камне и донныне видна высеченная тень [головы] для тех, кто видит в совершенстве.

Этот Мухаммед, как уже было сказано, много вздорных басен составив, каждой из них дал название, например писание «Женщина»[44], в котором законодательно устанавливает открыто брать четыре жены и, если кто может, тысячи [наложниц], сколько рука удержит, на низшем положении в отличие от четырех жен. А вот по какой причине установил Мухаммед отпускать, если хочешь, любую [из жен], а другую, если пожелаешь, брать: имел Мухаммед сподвижника по имени Зейд. Имел сей красивую жену, которую полюбил Мухаммед. И вот, когда они сидели, сказал Мухаммед: «О такой-то! Бог приказал мне взять твою жену». Он же ответил: «Ты посланник, делай, как тебе Бог сказал: возьми мою жену». Лучше же, чтобы мы с самого начала рассказали [эту историю]: сказал [Мухаммед] ему: «Бог приказал мне [сказать тебе], чтобы ты отпустил жену свою». Тот отпустил. И по прошествии нескольких дней [Мухаммед] сказал: «Приказал Бог, чтобы я ее взял себе». Затем он, взяв и прелюбодействовав с нею, установил такой закон: желающий пусть отпустит жену свою. Если же после развода обратится к ней снова, то пусть другой на ней женится. Ибо невозможно взять ее обратно, если другой [прежде] не женится на ней[45]. В том же писании [Мухаммед] заповедует следующее: «Возделывай землю, которую дал тебе Бог, и обрабатывай ее и делай так-то и так-то» (Коран 2.223), [это мы употребляем], чтобы не говорить, как тот, всякой непристойности.

Также есть писание «Верблюдица Божия»[46], о которой он говорит, что та была верблюдица от Бога, и выпивала целую реку, и не могла пройти между двух гор из-за того, что не было достаточно места. Итак, говорит он, был в том месте народ, и один день воду пил этот народ, а на другой – верблюдица. Напившись воды, [верблюдица] питала их, давая вместо воды молоко. Итак, восстали, говорит он, мужи те, будучи порочными, и убили верблюдицу; была же у нее дитя – маленькая верблюдица, которая, сказано, когда мать убили, возопила к Богу, и взял ее [Бог] к Себе. [На это] мы им скажем: «Откуда этот верблюд?» Они говорят, что от Бога. А мы скажем: «Совокуплялся ли с ней другой верблюд?» Они говорят: «Нет». Тогда откуда, спрашиваем, она родила? Ибо мы видим, что ваша верблюдица без отца и без матери и без родословной, родивши же, зло пострадала. Но и тот, кто совокупился [с ней], не показывается, и маленькая верблюдица взята на небо, как же это ваш пророк, с которым, как вы заявляете, говорил Бог, не узнал относительно верблюдицы, где пасется она и кто вскормил ее молоком? Или, быть может, и она сама, как мать, попалась злым людям и была убита? Или же она вошла в рай вашим предтечей и из нее будет для вас молочная река, о которой вы болтаете? Ибо вы говорите, что три реки текут для вас в раю: воды, вина и молока (см.: Коран 47.15). Если предтеча ваш, верблюдица, находится вне рая, очевидно, что она высохла от голода и жажды или другие пользуются ее молоком и ложно ваш пророк пустословит, будто он беседовал с Богом, ибо даже тайна верблюдицы не была ему открыта. Если же она находится в раю, то снова пьет воду, и вы от недостатка воды страдаете среди райских наслаждений. Если же возжелаете вина из протекающей реки, то, испив его несмешанным с водой (ибо верблюдица выпила все), через неводержанность в питии воспламеняетесь, становитесь пьяными и спите. Страдая же после сна головной болью и похмельем от вина, [поневоле] забываете об удовольствиях рая.

Итак, почему пророк ваш не подумал о том, чтобы [этого] не случилось с вами в раю наслаждения, и не поразмыслил о верблюдице, где она теперь находится? Но вы не спросили его [об этом], когда он объявлял вам о трех реках, обманывая рассказом о сновидениях. Мы же возвещаем вам явно, что удивительная ваша верблюдица ранее вас вошла в души ослов, где будете жить и вы, как скотоподобные. Там тьма внешняя и наказание нескончаемое, огонь гудящий, червь неусыпающий и адские демоны.

Также говорит Мухаммед в писании «Трапеза», что Христос просил у Бога трапезы, и она была дана ему. Ибо Бог, говорит, сказал Ему: Я дал Тебе и тем, кто с Тобою, нетленную трапезу (Коран 5.112–115).

Также он сочинил писание «Корова»[47] и некоторые другие речения, достойные смеха, которые, по причине их множества, я думаю, следует опустить. Он установил, чтобы сарацины с

женами обрезывались[48], и приказал не соблюдать суббот и не креститься, одно из дозволенного в законе есть, а от другого воздерживаться; винопитие же совершенно запретил.

Примечания:

- [1] Основой для изложения сути 81 ереси для преподобного Иоанна послужил «Панарион» святителя Епифания Кипрского.
- [2] *Analecta Bollandiana* 57, 1939. P. 299–333.
- [3] *Dyovouniotes C. Ioάννης ó Δαμασκηνός. Αθηνής, 1903. S. 187.*
- [4] Khoury A.-T. *Johannes Damascenos: Schriften zum Islam // Corpus islamo-christianum. 3. 1995. S. 37.*
- [5] Peeters P. *Passion de saint Pierre de Capitolias // Analecta Bollandiana 57, 1939. P. 299–333.*
- [6] Подробнее о преподобном Феофане см.: Максимов. Ю. Преподобный Феофан Исповедник Сигрианский об исламе. – <http://www.pravoslavie.ru/put/apologetika/feofanispovednik-islam.htm>
- [7] Le Coz R. *Jean Damascene, Ecrits sur l' Islam // SC 383. Paris, 1992. P. 67.*
- [8] *Dyovouniotes C. Op. cit. S. 52.*
- [9] Güterbock C. *Der Islam im Lichte der byzantinischen Polemik. Berlin, 1912. S. 15.*
- [10] Eichner W. *Die Nachrichten über den Islam bei den Byzantinern // Der Islam. 1936. № 23. S. 137.*
- [11] Voorhis J.W. *The Discussion of a Christian and a Saracen // The Muslim World. Vol. XXV. 1935. P. 206–273.*
- [12] Khoury A.-T. *Op. cit. S. 60.*
- [13] Argyriou A. *Une «controverse entre un chretien et un musulman» inedite // RSL. № 16. 1967. P. 239.*
- [14] Le Coz R. *Op. cit. P. 202.*
- [15] Abel A. *La polemique damasceninne et son influence sur les origines de la theologie musulmane // L'Elaboration de l' Islam. Paris, 1961. P. 65.*
- [16] См. краткий разбор аргументации Абеля в: Khoury A.-T. *Op. cit. S. 39–44.*
- [17] Sahas J.D. *John of Damascus on Islam. Revisited // Abr-Nahram. 23. 1984–1985. P. 104–108.*
- [18] Le Coz R. *Op. cit. P. 184–198.*
- [19] Khoury A.-T. *Op. cit. S. 35.*
- [20] Khoury A.-T. *Op. cit. S. 36.*
- [21] Иоанн Мейендорф, протопресвитер. *Византийские представления об исламе // Альфа и Омега. 1995. № 4 (7). С. 130.*
- [22] Sahas J.D. *Op. cit. P. 112.*
- [23] Иоанн Мейендорф, протопресвитер. *Указ. соч. С. 131.*
- [24] Αναστάσιος (Γιαννουλάτος), επίσκοπος. *Ο διάλογος με το ισλάμ από ορθοδόξη άποψη // Οικουμενη. 1998. Τ. 2. S. 65.*
- [25] Merrill J.E. *On the Tractate of John of Damascus on islam // The Muslim World. Vol. XLI (1951). P. 97.*
- [26] Le Coz R. *Op. cit. P. 72.*
- [27] Саблуков Г.С. *К вопросу о византийской противомусульманской литературе. Казань, 1878. (Оттиск из «Православного собеседника» за тот же год). С. 15.*
- [28] Argyriou A. *Elements biographiques concernant le prophete Muhammad dans la litterature grecque des trois premiers siecles de l'hegire // La vie du prophete Mahomet. Paris, 1983. P. 166.*
- [29] Там же. P. 168.
- [30] Merrill J.E. *Op. cit. P. 89.*
- [31] Это не вполне выясненный к настоящему времени вопрос. Sahas обращает внимание на следующий интересный пример: крупный средневековый богослов ал-Ашари (873–941) в своем капитальном сочинении «Al-Maqalat al-Islamiyyin» практически копирует структуру «Источника знания»: как и у преподобного Иоанна, у него трехчастное деление, одна из частей посвящена мусульманским сектам, другая – изложению исламской ортодоксии, третья – философско-богословской проблематике (Sahas J.D. *Op. cit. P. 110.*)

[32] Перевод выполнен Ю.В. Максимовым по изданию: Johannes Damaskenos und Theodor Abu Qurra, *Schriften zum Islam. Kommentierte griechisch-deutsche Textausgabe* von Reinhold Gleib und Adel Th. Khoury / CISC, SG. T.3. Altenberge, 1995.

[33] В Священном Писании нет таких слов (ср.: Быт 16: 8–15 и 21: 17).

[34] У мекканцев в числе прочих были почитаемы три богини: Аллат, ал-Узза и Манат (Коран 53.19–20). Богиней утренней звезды была ал-Узза, под Афродитой, скорее всего, имеется в виду Аллат, имевшая у арабов-язычников те же функции.

[35] Период «пророческой» деятельности Мухаммеда (610–632) действительно совпадает со временем правления императора Ираклия (610–641).

[36] Очевидно, отголосок мусульманских рассказов о встрече юного Мухаммеда с христианским отшельником Бахирой, хотя в мусульманских сказаниях, разумеется, никогда не уточняется конфессиональная принадлежность Бахиры.

[37] Среди ранних мусульманских толкователей, начиная с ат-Табари, существовали самые разные и противоречивые версии о том, как Иисусу удалось избежать распятия. Едины они были в том, что распят был вместо него другой человек. Та версия, которую излагает преподобный Иоанн, не встречается в сохранившихся работах мусульманских авторов; вероятно, здесь представлена одна из самых ранних версий толкования Коран 4.157.

[38] Khoury считает, что здесь в тексте пропущена сама пословица, на которую ссылается преподобный Иоанн. Он указывает, что Евфимий Зигабен, цитируя это место, дополняет текст следующим предложением: «Человек во сне часто болтает вздор и видит всякую чепуху» (PG. T. 130. Col. 1336 D).

[39] О необходимости свидетелей в подобных случаях написано в Коране: 4.15; 5.106–108; 24.2–13; 65.2 и др.

[40] От *étairía* – «товарищество», т.е. придающие Богу кого-либо другого; перевод арабского *mushrikun*.

[41] Поскольку, согласно исламу, Христос не был распят, то почитание христианами креста воспринимается мусульманами как кощунство. В одном популярном хадисе Мухаммед утверждает, что, когда Иисус придет перед концом мира, он уничтожит все кресты (Бухари, Муслим и Ибн Ханбал). См.: Wensinck A.J. *A Handbook of early Muhammedan Tradition*. Leiden, 1927. P. 252–253.

[42] Преданий о черном камне у мусульман существует множество; те, которые упомянуты преподобным Иоанном, не являются в настоящее время распространенными.

[43] Хотя более поздняя мусульманская традиция стала считать, что в жертву Авраам собирався принести Измаила, ранние толкователи, в частности ат-Табари, говорят об Исааке.

[44] Имеется в виду 4-я сура «Женщины». Вопросы, касающиеся брака, упоминаются в Коран 2.226–242; 4.19–21,130; 33.49; 58.1–4; 65.1–7.

[45] «Если же он дал развод ей, то не разрешается она ему после, пока не выйдет она за другого мужа, а если тот дал ей развод, то нет греха над ними, что они вернутся» (Коран 2.230).

[46] В Коране нет суры с таким названием. По-видимому, имеется в виду история верблюдицы пророка Салиха, которую убили неверующие из его народа. Упоминания о ней рассеяны в Коране 7.73–79; 26.141–149; 27.45–53; 54.23–31; 91.11–14. По-видимому, преподобный Иоанн записывает ее с чьего-то устного пересказа, смешавшего кораническую историю и народные предания о ней. Этим может объясняться наличие деталей, не имеющих параллелей с сохранившейся до нас мусульманской литературой.

[47] Название 2-й суры Корана.

[48] Обрезание не упоминается в Коране, но, тем не менее, засвидетельствовано в традиции. Женское обрезание совершается и доныне в некоторых мусульманских странах.